

**ЯЗЫКОВАЯ АГРЕССИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ЭМОЦИОНАЛЬНО НРАВСТВЕННЫЕ УСТАНОВКИ РЕЦИПИЕНТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ М. ЛЕОНТЬЕВА «ЗА ПУТИНА, ЗА ПОБЕДУ!»)**

Фирсова Мария Анатольевна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: filfak.er@mail.ru.

В статье рассматривается реализация языковой агрессии. Насыщенность текста негативной информацией, нивелирование черт жаргонного слова, немотивированное использование табуированной лексики, её повышенная вульгаризация являются отличительными чертами репрезентации языковой агрессии в анализируемом материале.

Ключевые слова: агрессия, негативные установки, лексема с агрессивной семантикой, ирония, жаргон, табуированная лексика

**LANGUAGE AGGRESSION AS THE INSTRUMENT OF IMPACT
ON EMOTIONALLY MORAL INSTALLATIONS OF RECIPIENTS (ON
MATERIAL OF THE BOOK OF M. LEONTYEV "FOR PUTIN, FOR THE VICTORY!")**

Firsova Mariya A., postgraduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishev st., e-mail: filfak.er@mail.ru.

In article realization of language aggression is considered. A text saturation negative information, leveling of lines of the slangy word, unmotivated use of the tabooed lexicon, its increased vulgarization are distinctive features of representation of language aggression in the analyzed material.

Keywords: aggression, negative installations, a lexeme with aggressive semantics, irony, a slang, the tabooed lexicon

Исследование языковой агрессии в рамках антропоцентрической парадигмы современной науки, повсеместно сталкивающей и выводящей на междисциплинарный уровень различные области знания, обусловлены данными, полученными в области психологии и физиологии, которые играют определяющую роль в изучении эмоций в целом и языковой агрессии в частности. По словам В.И. Шаховского, отображение «эмоциональных процессов происходит посредством психического механизма их отображения в семантике слов, используемых для вербализации эмоциональных отношений». Эмотивная функция коммуникации составляет основу для возможного выражения отрицательных эмоций и негативных когнитивных установок автора. Учёные-психологи К. Изард, Джонсон-Лэрди/Оутли в качестве базовых человеческих эмоций выделяют гнев, печаль, страх и прочие. Однако необходимо отметить, что во всех классификациях со времён З. Фрейда (1905 г.) в качестве базовой эмоции выступает гнев.

Наше общество благодаря федеральным законам оградило себя от так называемого «языка вражды» – коммуникации, которая не несет никакого иного смысла, кроме выражения ненависти к некоторой группе, особенно когда коммуникация может спровоцировать насилие. Например, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от N 195-ФЗ от 2010 г. предусмотрено наказание за распространение экземпляров аудиовизуальной и печатной продукции, содержащих нецензурную брань. Недавний закон от 2015 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» дана подробная классификация информации, содержащая нецензурную брань и источники, распространяющие жестокость. Однако фактической защиты в повседневной человеческой коммуникации, основан-

ной на предубеждении и дискриминации, мы в современном обществе не наблюдаем. Репрезентация эмоций, вербализующихся посредством кодифицированного языка, составляет значительный элемент в формировании картины мира всех участников коммуникации и одновременно является сложным психо-эмоциональным процессом. Несмотря на большую значимость невербальных средств выражения эмотивности в процессе конструирования сообщения адресатом, а также в процессе интерпретации невербальных сигналов, негативные, агрессивные эмоциональные элементы речи остаются главенствующими при определении их семантической и когнитивной функции.

Ярким примером использования таких агрессивных эмоциональных элементов речи является известная медиальность Михаил Леонтьев. Категориальное разнообразие корпуса исследуемого нами языкового материала книги М. Леонтьева «За Путина, за победу!» позволило выделить несколько групп на основании частотности употребления и в соответствии с параметрами языковой агрессии, представленных нами как ирония, жаргонная лексика, табуированная лексика, просторечная лексика и лексика с агрессивной семантикой.

Количественный анализ репрезентации эмоций в книге М. Леонтьева показал, что количество репрезентаций негативных, враждебных эмоций превышает количество репрезентаций положительных. Повсеместное употребление жаргонных слов и выражений снижает общую коннотацию текста и активизирует процесс падения речевой культуры: «Наша история знает и другой способ самоорганизации – **резня**. Известная конструкция – **бабло** побеждает **зло**... Тут и есть главная **засада**» («За Путина, за победу!», с. 9). В данном примере жаргонное **бабло** (то же что и **бабки** – ‘деньги’) вступает в идиоматические отношения с лексемой **зло** и образует неделимую единицу, исходной базой для которой служит пословица *добро побеждает зло*. Трансформированная в массовом сознании исходная версия пословицы, на наш взгляд, широко распространена в неформальном общении. Подкрепленная лексемой с негативной семантикой «**резня** – массовое жестокое избиение, массовые убийства» и лексемой «**засада** – скрытое расположение кого-либо с целью неожиданного нападения» формируют у реципиента данных экспрессивных номинаций чувства отвержения тех социальных групп, которые, по мнению М. Леонтьева, нарушают общепринятые социальные нормы.

Воздействие на адресата у Леонтьева происходит также с целью эмоционального самовыражения. Имея кодифицированный общеизвестный набор синонимичных эмотивов, автор прибегает к употреблению именно лексем с негативной семантикой для выражения эмоционального отношения к предмету речи и объекту обозначения в конкретной ситуации: «Повторим для **дебил**ов. Предметом российского экспорта является оружие и сырье», где просторечное «**дебил**» в пренебрежительной оценке означает «*умственно отсталый*» » («За Путина, за победу!», с. 195).

Если остановиться на категоричных оценках интеллектуального и психического потенциала тех, о ком идет речь в тексте автора, то необходимо отметить широкий диапазон употребления данных номинаций. Например: «Еще раз повторю: они ни в чем не виноваты, это мы довели армию до такого **идиотизма**»; «Правда, никто не помешает **параноикам** добывать сланцевые углеводороды...»; «Вопрос в том, **биться** ли по этому поводу в **истерике** или использовать как инструмент экономического восстановления»; «А пока у нас одна группа **придурков** борется за демократию, гей-парад и свободу своего слова в телевизоре...»; «Во всем этом есть что-то очень доброе, простодушное, можно сказать, **олигофренческое**». Категориальные авторские номинации *параноики*, *дебилы*, *придурки*, *олигофрены* являются фактическими номинациями психических отклонений, связанных с недоразвитием интеллекта или хроническими отклонениями в работе нервной системы. В тексте они употреблены как концентраты негативных

стереотипных убеждений данных личностей. Именно вследствие обобщенной стереотипизации достигается дегуманизация данных понятий, то есть реципиентом они осознаются не как человеческие существа, имеющие особенности психического развития, а как недочеловеческие создания. Данные психиатрические термины как мощное средство категоризации оказывают на адресатов воздействие, отделяющее потенциальных членов данных групп от них самих и, как следствие, порождают враждебное и негативное отношение к ним.

Среди упомянутых выше групп распределения языкового материала имеется категория «ирония». С помощью иронии М. Леонтьев маскирует своё негативное отношение к объекту высказывания. Очень часто ироничные смыслы используются автором как эвфемизмы для завуалирования негативного предубеждения. Например: *«Его последнее определение мировоззренческого единства с Владимиром Владимировичем – **мол мы оба хотим видеть страну богатой и довольной** – выглядит еще более сомнительным, чем предыдущее. Это сравнимо с тем, как если вы спрашиваете: «Простите, вы не каннибал? Нет?! Ну наконец-то я нашёл единомышленника!»*» («За Путина, за победу!», с. 101). О насмешке (иронии) как о символическом уничтожении врага говорил З. Фрейд – первопроходец в исследовании феномена агрессии. В анализируемом нами примере ироничность достигается посредством понимания общих целей между объектами высказывания (*«мол мы оба хотим видеть страну богатой»*), в которых подчеркивает разный порядок общих целей. Амбивалентность феномена иронии заключается в том, что она представляет собой одновременно убеждающее и суггестивное средство, то есть прибегающий к ней журналист оказывает как логическое, так и психологическое воздействие на адресата.

Необходимо отметить среди корпуса исследуемого материала место табуированную лексику, которая используется автором для выражения прямой оценочной номинации. Самое общее понимание причин и следствий употребления табуированной лексики автором сводится нами к тому, что снижение речевой культуры российского общества и детабуизация ранее запрещенных лексем являются проявлением вульгаризации современной речи, а следовательно, и нравственной дезориентации народа. Чтобы быть понятным и воспринимаемым легко читателями, а также для поддержания авторского речевого имиджа М. Леонтьев прибегает к использованию табуированной лексики. *«Национальные государства рождаются из говна и в своей сущности и есть говно»* («За Путина, за победу!», с. 94) *«К тому же их появление на телеэкране хитро уравновешено было дозой дерьма»* («За Путина, за победу!», с. 156); *«Ну конечно, публично обоссаться. Пожалейте меня, вот я какой мокрый!»* («За Путина, за победу!», с. 152); *«Шевчук – один из немногих, по пальцам считанных публичных людей в России, противостоял той дикой интеллигентской истерике, травле, помоям, которые лились на голову наших солдат в Первую чеченскую»*. («За Путина, за победу!», с. 50). В данных примерах продемонстрировано результат расшатывания литературной нормы, употребление обценной лексики, цель которой унижить, оскорбить, обесчестить не только адресата речи, но и ее объекта. Лексема «обоссаться» синонимичная глаголам *испугаться*, *струсить* в данном контексте представляет собой агрессивный авторский посыл, направленный против естественной стыдливости нормального человека, указывает на грубое нарушение правил и норм речевого поведения. Данная растиражированная жаргонная и грубо просторечная лексема входит в состав абсолютно нового феномена современной речевой культуры – общего жаргона, на котором говорит страна и современные авторы: ср.: *«Ой, мамочки! Обоссаться (неожиданный приступ радости также внезапно сменился замозильной серьезностью)»* (Олег Веденеев «Гады»); *«Как она ухитрилась – не знаю, она как-то кошкой ко мне подпрыгнула и – раз-раз-раз – я уже голый»*.

Обоссаться, да? (Фридрих Незнанский «На исходе последнего часа»). Лексемы «*дерьмо, говно, помои*» позволяют автору выразить экспрессивную оценку соответствующей реалии, стилизовать живую стихию социума, придавая высказыванию тотальную вульгаризацию и грубость.

Авторская образность и творческая фантазия в книге «За Путина, за победу!» представлена настолько широко, что охватывает абсолютно все слои нормативного и ненормативного русского языка. Приближенность к стилю разговорной речи, а соответственно, к обыденному сознанию читателя автором преследуется цель поддержания конкурентоспособности и незатруднительного восприятия. Однако автор вместе с тем формирует языковой вкус массового потребителя, вторгается в коммуникативное пространство каждого из них, нередко нарушая их ценностные установки и этические и эстетические нормы.

Проанализированный корпус языкового материала книги «За Путина, за победу!» дает основание полагать, что языковая агрессия – основной инструмент воздействия эмоционально нравственные установки реципиентов автора М. Леонтьева, медийной личности, автора и ведущего программы на федеральном канале. Избыточное, некорректное использование негативно-оценочной лексики, в том числе табуированной, жаргонной лексики, иронии, граничащей с цинизмом вызывают у читателя ощущение неизбежности социальной катастрофы. Таким образом трансформируется языковая картина мира в сознании носителей языка.

Список литературы

1. Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики / Д. И. Квеселевич. – Москва : Астрель : АСТ, 2011. – 1021 с.
2. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – Москва : Буколика : Роосса, 2008. – 1247 с.
3. Шаховский В. И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6.

References

1. Kveseleovich D. I. Samyj polnyj slovar' nenormativnoj leksiki. Moscow, Astrel', AST, 2011. 1021 p.
2. Ushakov D. N. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka. – Moscow, Bukolika, Roossa, 2008. 1247 p.
3. Shahovskij V. I. Znachenie i jemotivnaja valentnost' edinic jazyka i rechi // Voprosy jazykoznanija, 1984, № 6.

СМЫСЛОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПРЕФИКСОВ МУЛЬТИ- И ПОЛИ- В ПОНЯТИЯХ «ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ» И «МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ»

Золотых Лидия Глебовна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: zolotyhlg@yandex.ru.

Космачева Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: olga_ast@list.ru

Куликова Екатерина Юрьевна, старший преподаватель, Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, e-mail: kulikova77@yandex.ru.